

- Блин, ну блин!
- Сама ты блин! Это оладушек!
- Знаю я, что это за оладушек! Это блин!

Рита сидела за столом и просто старалась не мешаться. Пока Анжела и Соня шутиливо колотили друг друга лопатками, Рита просто читала ленту. У неё вообще такая прикольная особенность: чтобы не раздражать других permanently недовольным лицом, она старалась читать. Книжки, бухгалтерские отчёты, ленты в телефоне, освежитель, состав гречки и так далее. Девчонки-то привыкли и не сердились: вообще все, кто ведьма, знал о её причуде – а некоторые считали её самой тяжёлой. Менять цвет каждого из глаз при каждом взгляде постороннего? Фигня. Вот никогда не иметь хорошего настроения – ЭТО проблема.

Хотя да, у других бывало и похуже. Рита даже подруг себе нашла, при своей-то особенности.

Правда, она несколько раз обижала Соню, говоря, что Соня готова дружить с любой ведьмой, которую встретит. Но потом извинялась: плохое настроение Риты имело миллион разных вариаций – гнев, раздражение, болезнь... ну и чувство вины. С ним она была знакома особенно хорошо, насколько Соня могла судить. Соня всё ещё до конца не простила, но ей просто сложно было въехать в трагедию Риты и принять, что человек может быть мерзким и недовольным не по своей вине.

В сонином присутствии, например, никакое пространство не могло быть тихим. Автоматически включается музыка, людей перебивает шоу по телевизору или ютубу (если ВПН есть), голоса кошки, собаки, дети. На улице и не поймёшь, если ночью не гуляешь, а вот в гостях сложновато. Но ей можно привыкнуть, хотя спать порой тяжело; да и соседи судачат, куда деваются все её дети.

Да никуда не деваются, блин, она не рожала. Ей девятнадцать, господи помилуй.

Блины они пекли для маркета. Анжела аккуратистка и делает по рецептам, а Соня творчески подходит к своим проектам и бахает туда то, что считает нужным. Но получается всегда вкусно!

Идти на Magic Market без даров неприлично. Каждая должна что-то сделать. Соня совсем не рукожопка – в смысле, не рукодельница, но приготовить вкусняшки для всех – это запросто. А Анжелу бесит, как она готовит, вот и влезает по каждому поводу.

Ах, блинский блин, нистагмы. Длится секунду, но как же бесит.

Контейнер был уже заполнен; Соня в своё время раздобыла дорогуший, с автоподогревом. Ещё разложила всякие начинки – шоколадная, арахисовая пасты, ягоды в бенто, бананы...

Хорошо, что у Анжелы машина есть. Но надо сложить так, чтобы её ободки не помять.

- Ну что, поехали? – раздражённо спросила Рита.

Рита хотела прикатить к самому началу маркета, но Соня и Анжела воспротивились, потому что – они идут не раскладываться, а тусоваться и покупать штуки, а ещё высыпаться – это хорошо. Рита и себя бы могла побережь, хоть снизила бы уровень раздражения.

Ну ладно, Рита – это Рита.

Соню расстраивало, что ведьмина тусовка крайне неоднородная. Ей бы хотелось со всеми дружить, а вот хренушки – не получается.

Она-то пришла как многие молодые, через вичкор. Были мори, коттеджкор-девочки, гоблинкор, но её больше привлекали девчонки в более традиционном виде: не викка, без религиозных загонов, но что-то вроде. Заигрывание с атрибутикой, блёстки на лице, сочетание лёгких юбочек и корсетов – это было прикольно, это то, что отзывалось душе Сони. Хотя странности с ней были и раньше – ну, как, не пропустишь, что при тебе всегда какие-то звуки. Родители столько раз ругались «хватить мультики фоном включать!». А она не включала! Так что Соня видела разницу между собой и просто девчонками, всего лишь касающихся темы, но никогда не испытывала к ним пренебрежения. Ну вот Рита – молл-готка, типичная, только без слоёного макияжа – течёт и прыщи. Анжелка милая бабуся-ягуся, в пышном платице из крапивы, сумки с грибами, коттеджный хэндмейд – чудо, а не тётенька (Соня самая младшая в их тусовке: Рите двадцать четыре, Анжелке тридцать вообще).

А вот были те, кто считал их позерками. Такие типичные гёрлбосс-гейткип.

Их и сегодня должно было быть много: Magic Market разных собирал. Важное всё-таки событие, наследник ярмарок. Некоторые... не приходили. Это были странные, и Соне хотелось с ними дружить – но как, если не приходят?

А вот те девчонки, которым Соня, Анжела, Рита и многие другие не нравились – те, конечно, пришли.

- Ах, [слово, которое не нравилось Соне], – выдавила сквозь зубы Рита. – Там тачка Асты стоит, видишь?

Отличить одну машину от другой Соня не умела, так что поверила на слово.

- Теперь бы припарковаться...

- Я же говорила, надо было раньше!..

- Спокуха, – Анжела, как обычно, была спокойна. – Щас всё найдём.

Нашла. Правда, до крытого рынка, целый этаж которого арендовали ведьмы на проведение маркета, пришлось идти минуты полторы, но – хотя бы нашли место. Причём возле приятного ларька с фруктами: Соня ещё ухватила персики. Персики в блинах – это классно!

Magic Market не то чтобы сильно отличался от других маркетов, на которые настоящие ведьмы старались не ходить. Если не присматриваться. Ну, что, тут пёрышки, тут фигурки всякие, тут стикерпаки, украшения, ручная всякая работа, свечечки – классно же. Как... везде.

Но нет, смотреть надо было внимательнее.

У Энид перья не редкие: не сов, не ястребов каких-нибудь, не воронов. Ворон. Голубей. Воробушков – самые редкие. Куриные. Ну, отбросы, короче. Оформлены, да, здорово, красочка по стержню, но – ничего необычного.

Фигурки. Просто из пластилина, с глазками из магазина, что стоят рублей двести за упаковку. Деформированные, странные, существ, которых даже в фэнтези нет. Есть из полимерки, но они неинтересные – ведьмы не любят полимерку.

Свечи. Не магические, не естественные. Перекупка из Яндекс.Маркета и контрабандной IKEA в половину оригинальной стоимости.

Блокноты. Свёрстаны из выдранных из других тетрадей и блокнотов бумаги, склеенные чуть ли не моментом.

Ну и так далее.

Это... мусорные вещи. Не такие, которые какие-нибудь мошенницы разложат перед камерой и будут продавать себя дороже, чем есть на самом деле.

Это вещи, которые имеют значение и которые заряжены твоим духом, но они не красивые.

Ну, в глазах обычных людей. Для Сони и девчонок тут настоящий рай.

На Magic Market деньги не принимались: только бартер. У Сони не было возможности приготовить прям много блинов, так что выбирать надо было только самое-самое лучшее. Вот Рите повезло, она своих украшений может наделать хоть под сотню – хаотично нанизанные бусины на что угодно.

Были тут и не только ведьмы. С людоедами Соня общаться боялась, вампиры днём не приходят, а вот гоблины классные. «Привет-привет», цепляются языками. Что-то своруют, но не обидно – никогда не обидно. Это просто дар от одного другому.

Но самое главное, конечно, ведьмы.

Соня легко могла начать общаться с любой. Ну вот любой.

Сидит Джаджа; странная девка, несоциальная. Обожающая разговаривать, выкладывающая о себе вообще всё, включая историю о жизни с шизофреничной мамой-флейтисткой – оп, обменялись контактами, и за блинчик с салом Джаджа чуть не отдала весь свой прилавок переделанных под ведьм кукол. Вот девчонка, которую Соня не знала; оп, теперь знает. Девчонке пятьдесят пять, Настя, делает книжки из вырванных страниц других книжек. Просто так дала про пиратов. Стёпашка. Олеся Васильна. Сова (восьмая на памяти Сони, почему-то девчонки очень это прозвище любят). Ещё одна Рита, но эта Киселёва.

Ну классно, классно же!

Соне на приветствие даже ответила Аста, хотя потом Рита показательно не отвечала на сонины вопросы. Здраваться с Астой и Соне неприятно, но, если вести себя как свинюшка, все с тобой будут вести себя так же.

Аста почти ничего не покупала, она тут что-то вроде надзирательницы. Зорким взором смотрит за тем, чтобы ни одна религиозная сволочь не ворвалась на маркет и не устроила бадабум. Ей не пытались льстить, но близко не подходили: если при Анжеле начинались судороги, нистагмы, она была статическим электричеством и так далее, то Аста просто была мразотой. Её причуда заставляла везде зажигаться свет, но это не проблема – никогда не проблема; а вот то, что эта девушка в рубашке, хорошем жилете, штанах с завышенной талией и блёклым лицом не смотрела ни на кого добрым взглядом – вот это, конечно, страшно неприятно.

Соня слышала, что старшие ведьмы, которые на маркет не ходили, но в целом его поддерживали, критиковали Асту за радикализм и глупое представление о ведьме как о хранительнице знаний. Ведьмы не хранят знания, ведьмы их аккумулируют. Они ничего не знают, кроме тех вещей, что им приоткрываются. И в том и разница, что им открываются, а другим людям нет. И ты, со своими бзиками, с этим что-то можешь делать. Но у Асты было представление, что надо вернуть ведьмам заслуживающее их положение. Насколько Соня знала, она молилась Богине-Матери, действительно могла ходить голой по улице, никогда не пользовалась косметикой – как, в общем, многие тут... но полагала, что это ВАЖНО. И многие девчонки вдохновились и так же считали, и, наверное, это правильно. Соне это даже немного нравилось, но Аста начала как-то с ней очень серьезно говорить на тему её блёсток, и Соне просто не захотелось продолжать разговор.

Может, она права. Но Соня глупая пока, она мало что понимает.

- [слово, которое СОВСЕМ не нравилось Соне]!

Это, как ни странно, сказала не Рита, а обычно сдержанная добродушная Анжела.

- Посмотри.

Соня посмотрела и присвистнула. Да, теперь понятно, почему Анжела ругается.

Среди ведьм, которые не ходили на маркет, были две. Одну очень уважали, хотя считали странноватой: её колдовство отличалось от того, что делали ровесницы, приближено к магии молодых, но всё равно отличалось случайной непредсказуемостью. Хотя она всё равно была дико крутая. Другую не любили, и одновременно боялись и презирали. Соня никогда не видела её, потому что она вообще ни с кем не общалась.

Ева была мусорная ведьма, Марина – некромантка.

Самое странное то, что некромантии не существует. Ну, как. Можно что-то делать с мёртвыми; и это не то чтобы страшно – это просто не нужно. Некромантия считалась дурновкусием ещё с начала двадцатого века, потому что ведьмы коллегиально дошли до идеи, что труп, не изменивший своего состояния, но способный ходить, говорить и мыслить – это не то, что должно быть научным стремлением. Они не интересны, на самом-то деле. Они не уничтожают смерть. Они – её отпечаток, потому что вечная жизнь невозможна, и поддерживать её тоже вряд ли получится – на долгий срок в смысле. Это развлечение для тех, кого сейчас называют «эджлорды», но не одобряется вообще никем, потому что... ну зачем?

А ещё это жутко грязная магия. Ещё хуже, чем супчики из мусора Евы.

Но был кое-кто, кто объединял и Еву, и Марину.

- Он совсем [зачем они это говорят?!] сюда приходить?!

Анжела побила свой рекорд по матерщине, и Соне было откровенно неприятно это слушать. Вдвойне потому, что она чувствовала себя глупо и... неправильно?

Серёжа жил слишком короткое время, чтобы его признали ведьмой, хотя его мать, сама потомственная ведьма, вытащила своего детёныша перед всеми и сказала, что да, он ведьма. Нет, не колдун. Ведьма.

И вроде как у него даже была причуда. Стрёмная такая особенность, после которой этот рынок, скорее всего, маркет больше к себе не примет. Пока Соня не видела текущей по углам крови, да и выступало её не то чтобы много (поначалу), но это был лишь вопрос времени.

Он не то чтобы выглядел феминно, мало какие девчонки, на самом деле, выглядят феминно, но он мог легко затеряться среди других. Лицо бледное, не готическое, просто нездоровое; волосы – чистый блонд и длинные, мыл бы голову, был бы принцессой. Чёрное пальто. Под ним розовое худи. Грязнющие белые джинсы, если в таком состоянии к ним вообще применимо слово «белые». Босой – сейчас босой: он вообще в любой момент старался снять обувь, но осенью на улице всё же приходилось защищать ноги от стекла и грязи. На самом деле от полиции больше, вряд ли грязь беспокоила Серёжу. Но да, сейчас босой.

И... от него не то чтобы шарахались. Зачем шарахаться от того, кто приносит деньги? Хотя наверняка какие-нибудь принципиальные его погнали – таких среди ведьм много. Но у него уже был прозрачный пакет, в котором даже лежали покупки.

- Фига рисковый, – даже раздражённая Рита присвистнула. – Ну он получит по жопе от Асты.

Соня молчала.

Честно говоря, она не видела в нём проблемы. Вообще. Никакой. Возможно, потому, что не общалась – Серёжа почти никогда не появлялся на сходках (да его никто и не приглашал). Но сейчас она на него смотрела – и, ну, покупатель как покупатель. Просто мальчик – и то не на первый взгляд.

Соня внезапно рассердилась. Не то чтобы она были social justice warrior... честно говоря, её это никогда не интересовало. Ей было чем заняться и без того.

Но сейчас это просто было по-свински.

Она резко отошла от своей компании и пошла к Серёже.

- Привет!

Рита раздражённо говорила Соне, что голос у неё резковатый и громче, чем нужно. Но это Рита, ей никогда ничего не нравилось, с этим надо было просто смириться. Она и с работы ушла потому, что ей не хотелось восстанавливать просевшую по финансам бургерную – хотя она была единственная на Москву... для таких как они.

Но сейчас Соня сознательно это делала. Потому что... ну потому что. Понятно, почему.

- Мы знакомы? – равнодушно спросил Серёжа, и Соня растерялась. Честно говоря, такого ответа она не ожидала. Это просто невежливо.

- Хочешь блин?

- Хочу, давай.

Ну, хоть что-то.

- С чем?

- Мне всё равно. Можно пустой.

Пустой Соня не дала: у неё клубничка всё-таки была. Побьётся ещё. Хотелось просто от неё избавиться, чтобы контейнер был лёгонький, и его можно было в сумку из пакета переложить.

Серёжа уронил клубничку на пол, но без проблем взял её и съел. Честно говоря, Соня не видела, чтобы кто-нибудь так делал, даже ведьмы. Хотя среди них всякие мусорницы встречались, но всё же до откровенного фриганства обычно не доходило.

- Спасибо. – Голос Серёжи не то чтобы тихий, наверное, его можно было считать нормальным; но он шелестел, и со стороны едва ли возможно его разобрать. – Держи.

Он протянул пакетик, в котором лежали... семена-вертолётки. Просто семена-вертолётки, некоторые даже засохшие – видимо, с позапрошлого года.

Это было... странно. Даже по меркам Magic Market. Всё-таки девчонки сами пытались что-то креативить, как-то вложить самих себя в свои работы, а тут – подобранный с земли мусор. Да, он учится у ведьмы, работающей с мусором, но всё же это не казалось достойной платой.

И, тем не менее, Соню это тронуло. Она не видела, что Серёжа раздавал другим – может быть, то же самое, но почему-то ей казалось, что это довольно персональный подарок. К тому же Серёжа знал этикет, а это совсем не казалось очевидным.

- Спасибо. – Она приняла пакетик из рук. Ой, дырявый, несколько выпало. – Я подберу!

Серёжа оказался быстрее и передал вывалившееся Соне, что совсем было хорошо. Она заметила нечищенные ногти; руки чистые, очень узкие, наверняка

способные проникнуть сквозь дверные щели, но всё же мужские. Соня маловато в последнее время общалась с парнями, не привыкла к этому.

Серёжа пошёл дальше. Он прошёл мимо прилавков с крафтом и, судя по всему, направлялся к столу с перьями. Очень зря, Женя пошлёт его нафиг. Она такая, невоздержанная.

Но теперь на Соню все смотрели. В особенности девчонки, которые подошли к ней.

- Ты совсем офигела? – Соня не ожидала, что Анжела может быть такой грубой, особенно по отношению к ней. – Выпендриться решила?

- Да заткнись ты. – То, что Рита умела рвать, Соня и так знала, но теперь ей было стыдно, что её подружки рассорились. – Но ты, конечно, борзая.

- Не борзая. Тупая. И не уважающая себя.

- Да в чём проблема?..

- Тебе рассказать? Ты совсем не понимаешь? Ты глупенькая?

Глупенькая? Вообще-то обычное слово, Соня называет себя «глюпи», но почему-то из уст Анжелы это звучало грязно и отвратительно.

- Анжела, [да почему, почему они так разговаривают, а-а-а], – Рита уже кипела от злости. Не совсем как обычно: да, она нарывалась на конфликты... но не так. Не серьёзно. – Она уже поняла, всё. Ты мысль свою донесла.

- Нет, не поняла. Надо ещё повторить.

- Соня.

Это обратилась к ней Галя, кажется, едва ли не единственная подруга Асты. Метиска с африканскими корнями, ужасно сексуальная и брутальная. Лет семнадцать, а выглядела на двадцать четыре. И косуха как будто бы не скрывала талию, а её подчёркивала.

- Притеки на пошептаться.

Соня сжалась в маленькую пружинку. Значит, разговор был очень серьёзный. Галя, кажется, иногда говорила от себя, но сейчас Соню наверняка ждала Аста, а Аста – это ОЧЕНЬ серьёзно.

Она в отчаянии посмотрела на подруг. Анжела, что совсем для неё нетипично (как казалось Соне), выглядела победоносно. А вот Рита...

- Я с ней пойду.

- Не пойдёшь. Соня.

- Рит, не надо, – Соня слабо улыбнулась. – Я сама...

Она в итоге и пошла сама; точнее, засемила. Страшно было, жуть. Соня давно ни с кем не ругалась, а с ведьмами вообще не хотела: они же все друзья, все одной компании. Кроме Серёжи... но он вообще странный, Соня сегодня смогла это оценить. Но с ним можно как-то общаться!

К ужасу Сони, Аста ждала её чуть ли не в центре маркета, на глазах у всех. У Сони стрельнул флэшбек, как учительница вывела её перед классом, когда у сониной семьи совсем не было денег, и она ходила в резиновых сапогах зимой, и учителька призвала одноклассников скинуться Соне на обувь...

Кошмарное воспоминание, худшее из всех. И сейчас, скорее всего, будет то же самое.

- Ты больше на Magic Market не придёшь.

Аста говорила тихо, вряд ли кто услышал, но все наверняка понимали, что происходит. И, скорее всего, поддерживали Асту.

Соня не заметила, что дрожала. А дрожала она крупно, не от страха даже, а от желания заплакать.

- Но я...

- Ты не придёшь на Magic Market. Тебя попросили – и ты должна это услышать.

- Почему?

Аста оценила взглядом Соню, а та не отводила от неё глаз. Аста ледяная, холодная – и очень, очень гневная. Но гнев этот спокойный, тихий, сдержанный. Как у самых гнусных училок из возможных.

...ну, по крайней мере, Аста была людоедски честной. Даже переспрашивать не хотелось, хотя в нормальном состоянии Соня начала бы спор, начала отстаивать свою позицию...

Но это Аста, а с Астой не спорят.

Соня стояла, как вкопанная, и не могла пошевелиться, потому что чужие взгляды, казалось, пригвоздили её к земле, протянулись линиями от сидящих и ходящих девчонок, и теперь она едва ли могла шевелиться.

Но... могла шевелиться Рита.

Она подлетела к Асте, сбив чей-то столик, и с размаху ударила Асту по лицу. Это даже пощёчиной назвать было нельзя, это был удар, хотя и ладонью. От такого звенит в ушах и на мгновение теряешь координацию; Соня не знала об этом лично, у неё хорошие родители, но такое просто чувствуется, если стоишь вблизи.

- [да что ж такое], – в отличие от Асты, Рита не желала говорить тихо. Наоборот, она, яркая, склонная к скандалам, повысила голос так, чтобы никто не пропустил её слова. – Да пошёл [ну, так ладно, можно сказать] ваш [а вот так нельзя!!!] маркет!

Она схватила Соню за руку и потащила за собой. Соню несколько раз толкнули, кто-то шипел ей вслед вещи, которые Соня прежде никогда не слышала, но они втапывали в грязь, уничтожали хуже любых прямых оскорблений.

И Соня не очень понимала, почему. Это было самое ужасное.

Просто... почему?

К ним направились охранники, но Рита яростно бросила: «Всё, всё, уходим», и вытащила за собой Соню. Соня вообще летела как пакетик, схваченный за ручки, и не плакала лишь силой воли и благодаря общей замороженности.

Они пошли к машине Анжелы и увидели выставленные снаружи пакеты. Один или два порвались, и вещи выпали на землю.

Тут уже Соня не могла не плакать. Тихо-тихо, но не для того, чтобы не привлечь чужое внимание, а потому что оледенело внутри.

Рита заорала матом, так, что Соня даже заткнула уши; странно, если они не привлекут всех на этом рынке. Откуда у Риты в руках взялся камень, Соня не поняла. Кажется, купила какой-то хороший булыжник у одной из девчонок. Рита ударила от души по стеклу, причём так сильно, что вообще-то хорошее окно у неплохой машины разлетелось вдребезги.

- Не надо, пожалуйста!!! Рита, остановись!

Это уже кричала Соня.

Остановить Риту теперь было невозможно: она вошла в режим фурии, который Соня прежде у неё никогда не видела.

– Пусть эта мразь получит, что хотела!

Какие-то люди закричали; к ним быстро направились мужчины, которые работали на рынке. Рита схватила пакеты Сони и побежала, очень и очень быстро, так, что Соня, подбиравшая вещи, едва ли её нагнала. Соню схватили за локоть и

пытались оттащить к машине (и, вероятно, вызвать полицию), но тут же рядом появилась Рита с фонтанирующей из руки кровью. Что-то такое было в её виде чудовищной фурии-сатанистки, что мужики отшатнулись, она схватила плачущую чуть ли не навзрыд Соню за руку и повела за собой, пачкая кровью одежду (свою и сонину), пакеты, вещи внутри и землю.

Их точно теперь посадят.

Весь оставшийся вечер Соня рыдала и сидела в жуткой панике. Рита ушла, поскольку не хотела ещё вредить в своём состоянии Соне, и теперь её некому было поддерживать. Анжела бы смогла... но Анжела не тут. И теперь она вряд ли хоть когда-нибудь поддержит Соню.

Почему? Почему? Почему?

Что она сделала? Что произошло? Как произошло?..

Думать не получалось. Получалось только рыдать.

Успокоиться не удалось даже когда Соня легла спать. Она периодически прекращала плакать – когда пришла мама и мурчанием (а ещё объятиями и пиццей) поддержала Соню, называя её любимой девочкой своей, когда поиграла немного в Love and Deerspace (очень умиротворяюще), когда поужинала... Вот когда чухала кошку или когда пришёл папа и выслушал, что с Соней произошло (она, конечно, не говорила, кто она, но про своих друзей держала в курсе), рыдала отчаянно. И ещё в постели плакала, когда пораньше уложили спать, так что заснула она... через час? Больше? Заснула причём с мокрыми глазами, как будто слёзы не переставали струиться из глаз.

И слёзы совсем не делали легче. Как будто бы наоборот, сложнее.

Она не представляла, что с ней будет дальше. Как будет учиться. Как общаться с другими ведьмами. Как ходить на встречи, обмениваться опытом. Она одна, абсолютно одна. Ну ещё Рита, но у неё колдовство совсем другое, она никого никогда не учила. Что ей теперь делать? Куда деваться?

И почему всё это? Почему? Что она сделала?..

Неужели им так жалко её блин? Но это же глупо...

Как можно спать, когда тебе так плохо?

Легко.

Соня заснула, и... Вообще-то ей и прежде снились такие сны. Девчонки их называли ОС – осознанные сновидения. Одни говорили, что лабуда, другие прям топили за них и пытались научить Соню делать в них то, что она не делала никогда живьём. Вообще не получалось. Она просто шлялась по районам Москвы... и всё. На качельках качалась. Брала газировку в магазине – действительно брала, никто её не останавливал. Всегда была ночь; утро наступало, но ровно до того момента, когда Соня просыпалась.

То есть это как бы был сон... но как бы не очень.

Никто её не замечал, когда она ходила. Кто-то бросал взгляды, но не более, дальше шёл. А она могла просто гулять, доезжать на ночных рейсах до Москвы, попадать в Алтуфьево, Выхино... другие места Москвы, до которых ей просто далеко ехать. Хорошие районы, на самом деле, тихие. Есть опасные ребята, но не сказать, что много. В родных Мытищах как-то побольше будет – хотя и там не сильно.

Но сейчас она оказалась в незнакомом для себя месте.

Это определённо Москва, Москву ни с чем не перепутаешь. Но сюда она никогда не приезжала. Ну, город большой, где-нибудь да не будешь. Рядом заброшенная стройка, заросшие кустарники... даже не кустарники, а трава очень высокая. В такой заблудиться как пить дать. Ещё через ночную дорогу стройка заброшенная... а позади, метрах в пятиста, на холмах – высокие дома с редкими горящими окнами.

Так странно.

Но на самом деле Соня была тут не одна.

Серёжу, конечно, ни с кем не перепутаешь. Он даже сидел в чём был: пальто, худи (в темноте оно рыжее, а не розовое), босые ноги... И земля, насквозь пропитанная кровью.

Да уж, чувствовалось жутковато. Соне тут не очень нравилось. И Серёжа казался довольно страшным.

Он клал в мешочек всякий мусор; массировал его, как будто что-то лепил из Play Do. Длинные пальцы ощупывали его, затем рисовали детским скрипучим фломастером что-то поверх грубой мешковине, и затем снова массировал. Вид крайне сосредоточенный и внимательный, не суетный.

Серёжа поднял глаза на Соню. Удивился он или нет – неясно, по лицу не поймёшь. Тем более в темноте.

- Я тебя здесь не ждал, – сказал он равнодушно. – Тебе есть на что сесть?

- Я ничего не брала...

- Зря. Земля очень грязная.

Соня, впрочем, села на попу. Грязная не грязная, а на корточках неудобно.

- Придатки простудишь.

- Это сон.

- Это не сон. Ты спишь?

- Ну... да? Сейчас.

Вот сейчас у Серёжи блеснули глаза.

- Здорово, – сказал он с лёгкой завистью. – Ты путешествуешь во сне. Здорово.

- То есть это по-настоящему? Это типа ОС?

- Нет. ОС ерунда. Это по-настоящему. Ты молодец, что так делаешь. Не мешай.

Соня замолчала. Это... было грубо. Почему никто не может говорить не грубо? Даже Анжела, от которой она мата не слышала никогда. Все, все говорят грубо. Чем она это заслужила?

Но то, что делал Серёжа, было очень интересно.

Соня вообще любила следить за чужим колдовством. Оно... интересное. Всегда интересное. Не просто раскидывание картишек, пассы руками или чего-то подобное. У каждого свои фокусы. Рита расплёскивала на полотне лаки для ногтей (работает и на проклятия, в которых она знала толк) и капала кровью, Анжела рвала предметы, в основном нитки и травки-муравки, другие очень много пили или качались на стуле... А у него – вот так. Не самое странное, но всё равно интересное.

Странное было потом. Мешочек зашевелился.

Соня сначала не поверила глазам, а затем Серёжа выпустил эту... штуку из мешочка, и Соня даже икнула от удивления.

Что это было, неясно. Но оно было живое.

Вот эта маленькая... ящерица? Или что? Какая-то приземистая тварь из маргиналии, с которой сыпались сухие пластинки крови, крошки палых листьев, из

которых торчали зубы и крошки теста – она была живая. Она шевелилась. Она смотрела по сторонам. Она двигалась.

И это поражало больше всего.

- Но... нельзя создавать жизнь.

- Хороший вопрос, что такое жизнь. Она – как микроб, как амёба. У неё нет ЦНС, нет мозга. Есть разум, на уровне примитивных организмов. Это жизнь? Я не уверен.

- Это... некромантия?

- Некромантия не работает с жизнью, только со смертью. Я... когда-то оживил мертвеца. Мне не понравилось.

Соня подняла голову и уставилась на Серёжу.

Он шутит. Он же шутит? Быть такого не может. Мёртвые не оживают. Это главное правило.

Мёртвые не оживают.

Но Соня решила об этом не спрашивать. Может быть, он просто хвастается.

- Как ты его назовёшь?

- Я не даю им имя. Они всё равно не живут долго. – Соне показалось, что Серёжа звучит очень грустно.

- Можно я тогда дам?

Серёжа пожал плечами. Может быть, равнодушно. Может быть, нет.

- Ну давай.

- Валера. Он очень похож на Валеру.

Серёжа присмотрелся и пожал плечами.

- Правда, похож.

Соня протянула руку, но Серёжа легко хлопнул её по кисти – нельзя. Соня устыдилась; ей было немного обидно, он мог и повежливее себя повести. Но, с другой стороны, Валера выглядит очень хрупким... может быть, и рассыпется...

Жаль, что его нельзя потрогать. Вон, движется как ящерица. Прикольно.

- Меня прогнали с маркета, – неожиданно заговорила Соня. – Навсегда.

Ей хотелось делиться и делиться этой новостью. Чтобы больше людей узнало, чтобы больше пожалели. Это, наверно, эгоистично, но – что ей делать? Ей же ужасно грустно. Её унизили, страшно обидели. С этим сложно справиться самой.

А Серёжа... он странный. Но, наверное, поймёт.

- Ничего неожиданного. Меня не выгнали.

У Сони округлились глаза.

- Почему?..

- Трусость. Банальная трусость. Им проще прямо меня ненавидеть, но держать на виду, как какое-то чучело. Я чужой, и это покажут всем... Меня можно не уважать. Но ты – это личное оскорбление. Ты как бы своя – а ты предала всех.

- Но я не предала!..

- Объясни это Асте.

Соня уткнулась в колени. Слезы почему-то не шли. Наверное, потому, что это сон.

- Я просто... не понимаю. Почему так? Я просто... Это же просто правило такое, обмениваться вещами...

- Глупая, раз не понимаешь. – Вот из слов Серёжи это не звучало обидно. Хотя Соня чуть-чуть была задета. – Но лучше быть глупой, чем сволочью.

Соня и Серёжа некоторое время смотрели на Валеру, пока он не уполз в траву. Серёжа впервые за их разговор выглядел очень довольным.

- Долго живёт, – с тихой гордостью произнёс он. – Может, застанет утро. Было бы хорошо.

- Меня больше никогда не примут?..

- Если сказали «никогда», значит, никогда. Послушай, – Серёжа не звучал рассерженно: его голос был вдумчивым и в своём роде даже внушительным, – не заморачивайся ты так. Мир ведьм большой. На маркет их ходит много... но это очень своя аудитория. Честно, в неё постыдно вписываться.

- Но ты же пошёл.

- Мне было интересно. Поначалу. Сейчас уже не очень: мало что ценного.

- А «вертолётники» ценные?

Серёжа посмотрел на Соню как будто бы даже с обидой.

- Да, – сказал он уверенно. – Да. Они *очень* ценные. Ты, я надеюсь, разберёшься. По крайней мере, есть шанс, что умеешь видеть.

- Ты правда так думаешь?

- Ну, я не сплю и сейчас говорю со спящим человеком. Такое редко бывает. Со мной, например, ни разу.

На душе стало легче, сильно легче. Соня снова уткнулась в колени, чтобы не показывать свою улыбку.

Это было... так здорово! Она бы и не подумала, что этот невежливый, угрюмый парень может её похвалить! К тому же в таком неожиданном ключе, о котором она никогда не думала. Она-то думала, это ОС, самая классика...

Так странно понимать, что ты особенная. Неловко как-то. Ей же не десять лет, когда это очень важно.

- Правда, забей на это, – Серёжа встал, и Соня увидела его перепачканные кровью ноги. Ой, наверное, у неё все джинсы в этой же гадости... – Колдуй одна. Ну или найди ментора, но не из этих. Это сложно, так что не думаю, что нужно. Мне просто... повезло. Но ты вполне можешь сама.

- Но я не знаю...

- Почувствуешь. Ходишь, думаешь-думаешь, и тут почувствуешь. Ты уже, я вижу, многое сделала.

- Можно я буду к тебе приходить? Не знаю, во сне, не во сне. Как захочешь. Не захочешь – не буду.

Серёжа замер. Он стоял где-то в три четверти от сидящей Сони, и теперь она совсем не могла разглядеть его лица – тем более за длинными волосами.

- Приходи, – сдержанно сказал он. – Не уверен, что мне понравится. Но, говорят, социализация полезна.

- Тебе меня жалко?

Соне снова стало обидно. Если он просто жалеет её, то лучше не надо. Такая дружба точно не нужна.

- Нет.

Соня проснулась посреди ночи, почти сразу после этой фразы. Она, наверное, слишком перенервничала: с ней такое бывало прежде. Не то что Соня какая-то неженка, но, если её сильно обидеть, она потом не будет находить себе места, нарушится сон, аппетит... Так что ближайшие дни не будут весёлыми – особенно когда придёт полиция (а она придёт, не может не прийти: их легко по камерам вычислить, да и охранники показания дадут).

Но сейчас было немного легче. Просто... проснулась.

Соня пошла на кухню пить чай. На всякий случай посмотрела на джинсы – ой, и правда, вся попа в отпечатках крови. Надо срочно в стиралку поставить: скажет, что месячные и протекла... Бывает же такое? Бывает.

Жуткая странность у этого Серёжи. Но странному человеку – странные особенности.

Соня забралась с ногами на стул и бахнула сразу три ложки мёда. Спать не будет вообще, но хотя бы сделает себе вкусно. Главное, маму с папой не разбудить... Хотя это сложно – на улице заорали пьяные. Проклятая причуда.

Муся запрыгнула на стол, и Соня не стала её сгонять. Она обхватила кошку двумя руками, хотя та была совсем не рада, и грелась о мягкую шёрстку британской кошки.

Учиться самой? Как-то страшно. Она никогда не пробовала. Вон у Серёжи два учителя, а у неё – ни одного. Только у девчонок что-то подхватывала.

Ну, зато она будет не одна. Теперь у неё есть друг.

Старые отвалились, кроме Риты (особенно Анжелу жалко: зачем она так?..), но быть одинокой – совсем больно и неприятно. А Серёжа интересный очень. И, наверное, добрый. Добрые люди всегда хорошо.

И Рита добрая. Только это скрывает.